

«Медико-топографическое описание Екатеринбургского горного округа» Тихона Успенского – не только русский памятник неолатинского языка первой половины XIX в., но и документальное свидетельство развития уральской науки.

Садукова В. Д. Об административно-политической терминологии в латинском языке раннего средневековья (VI–VII вв.). (По произведениям Григория Турского и Фредегара) // Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. М., 1972. С. 426–433.

Селезнева В. Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955.

Л. П. Дронова
Томск

К типологии языкового выражения понятия «образ, внешний вид»

Понятие «образ» играло очень важную роль в византийской философско-религиозной системе. Византийская теория образа через переводы христианско-богословских текстов была перенесена на Русь: образы земные есть отражения, отпечатки небесных явлений, подобно как человек сотворен «по образу и подобию божию». Как отрефлексировал становление столь значимого понятия русский язык? Какова логика его формирования в языке?

Начиная с ранних древнерусских текстов, кроме основного лексического средства выражения этого понятия – слова *образъ* в значениях ‘вид, образ; внешний облик’, ‘изображение; изваяние; икона’, ‘подобие кого-, чего-л.; прообраз, пример’, ‘способ, образ (действия)’ и однокорневых ему образований – еще ряд лексем был связан с выражением понятия «образ». Этот ряд включал такую лексику, как *видъ* (XII–XIII вв.) ‘внешний вид, облик; образ, подобие’, *видь* ‘вид; видение, образ чего-л.’ (XIII–XIV вв. ~ XI в.), *видѣние* (XIII в.) ‘вид, облик, наружность; образ, подобие’, *внѣшняя* (XVII–XII вв.) ‘внешний облик, внешность’ (*Не зри внѣшняя моя, но возри внутренняя моя...*), *лицо, лице* ‘лицо; личность’ (XI в.); ‘щека’ (XV в.) и ‘внешний вид, наружность, облик’ (XII в.), ‘способ, вид, образ (действия)’ (XVI ~ XII вв.), ‘изображения, рисунки (мн. ч.)’ (XVII в.), *личение* ‘вид, обличие’ (XI в.), *обличие* ‘вид, образ, облик’, ‘подобие, изображение’ (...*приписать на нем обличие лица Александрова*), *обличение* ‘вид, образ; облик’ (XI в.), ‘проявление; признак, знак’, *истукание* ‘резное изображение; статуя, изваяние’ (XVI–XI вв.), *истуканъ* (XIII в.) ‘скульптурное изображение божества, идол’ (ср. *истукати* ‘высекать, вырезать из камня, дерева или на камне, дереве’), *творь* ‘вид, наружность’; более поздно зафиксированы *прикладъ* ‘пример, образец’, диал. *ружь* ‘внешность, образ, вид; облик, лицо, лик; масть (в картах)’ (волог.; У него *ружь-то видная*).

Часть этой близкой по значению слову *образ* лексики имеет прозрачную внутреннюю форму – ‘видимая, внешняя (часть, сторона человека, предмета)’: *видь*,

видь, видѣние (с самыми широкими славянскими и индоевропейскими связями), *внѣшняя* (затем *внешность*). Подобный мотивировочный признак, вероятно, реализует рус. диал. *ружь* 'внешность, образ, вид; облик' (ср. рус. диал. *ружа* 'просвет', 'прозор', 'наружная сторона', *наружу, снаружи* и т. п., лтш. *raĩgs* 'зрачок; глазное яблоко').

Спорным остается происхождение и, соответственно, определение исходной семантики однокорневых дериватов *лик, лицо*. Большинство исследователей считает старшим для славянских континуантов значение 'щека': ст.-слав., др.-рус. *лице, лицо* 'лицо', 'щека', 'личность', 'перед', 'образ', 'вид', словен., чеш. *lice* 'щека' ('лицо' – словен. *obraz*, чеш. *obličej*), в.-луж., н.-луж. *lico* 'щека', 'лицо', польск. диал. *lice, lico* 'щека; боковая часть лица', рус. диал. *личико* 'щека'; типологически подобно лтш. *vaĩgs* 'щека' и 'лицо', литов. *vėidas* 'щека', *veidai* 'щеки'.

Праслав. **likъ* возводится предположительно к и.-е. < **leik-* 'гнуть, изгибаться; изгиб', как и прус. *laygnan* (< **laik-nan* < **lik-nan*) 'щека', др.-ирл. *lecco*, ирл. *leaca* 'щека' (ср. лат. *obliquus* 'боковой', 'косой', *imago obliqua* 'профиль'). Излагая подобный взгляд на генетические связи праслав. **likъ*, В. Н. Топоров в словаре «Прусский язык» обращает особое внимание на формально-семантическую близость славянских и прусских языковых фактов (общая родовая оформленность – ср. р., иное лексическое представление этого понятия в восточно-балтийском ареале, ср. литов. *skruostas*, лтш. *vaĩgs* 'щека' и 'лицо'). Иной точки зрения придерживается О. Н. Трубачев, считающий, что слав. **likъ*, **lice* следует рассматривать как славянские новообразования, производные с суффиксом *-k-* от глагола **liti* и исходно связанные с понятием «формовать литьем», подобно литов. *lytis* 'форма'.

Следуя этимологическому истолкованию О. Н. Трубачева, в ряду однокорневых образований можно привести и другие балтийские соответствия, среди которых литов. *lytis* 'глыба льда, льдина', лтш. *lieta* 'вещь', 'дело'. Из предположения о связи понятия, исходного для слав. **likъ*, с понятием «формовать литьем» и из сопоставления балтийских коррелятов следует вопрос: разграничивались ли исходно понятия собственно формы и ее наполнения, содержания (иначе: образца, отпечатка как следствия использования формы, получаемой в результате вещи, предмета)?

Для ответа на этот вопрос можно сослаться на семантику др.-рус. *творь* 'вид, наружность', которое поддерживается чеш. *tvář* (lice) 'щека', *tvar* 'форма (тела, носа), форма, вид (предмета)', *tvor* 'существо', слов. *tvar* 'лицо; облик', блр. *твар*, польск. *twarz* (*oblicze*) 'лицо (человеска)', соотносимыми с др.-рус. *тварь* 'творение', 'изделие', рус. *творить, твердый*, литов. *tvėrti* 'ограживать', 'прикреплять', 'придавать форму', *aptvaras* 'ограда' (< и.-е. **tuer-*: **tuor-* 'хватать(ся), охватывать; обрамлять'). В приведенных примерах значения 'вид, облик, форма', 'лицо', 'существо' есть результат развития общего значения 'то, что со-творено' из конкретного 'то, что охвачено, схвачено' (ср. *схватилось* 'затвердело'). Частично сходна с этим случаем типология лат. *facies* 'внешний вид, наружность, внешность', 'образ, подобие', 'лицо; лик', однокорневого с *facio* 'делать, производить, формировать' (родственно рус. *-дети, дело*).

На уровне вторичного абстрактного значения с др.-рус. *творь*, лат. *facies* можно сопоставить и др.-рус. *образъ*, производное от гл. *образити* 'воплотить, создать, образовать'. Но гл. *образити* известен и в значении 'повредить, разбить

ударом', и эти противоположные значения способны объединяться, ср. диал. *обра́зить* 'обрабатывая, придать нужную форму'. Семантика производящего *разить* и родственного ему *резать* позволяет определять исходное значение как 'придавать форму резьбой'.

А. А. Едалина
Новороссийск

«Пищевая тема» в мотивации слов, характеризующих человека по отношению к собственности

Лексика пищевой сферы является одной из самых продуктивных и удобных инструментов познания действительности. Это обусловлено как традиционной значимостью пищи для человека, так и наличием довольно четкой и проработанной структуры, организующей данную лексическую группу. Ситуации проникновения пищевой лексики в сферу обозначений человека многочисленны (см. об этом в работах Г. И. Кабаковой, К. В. Пьянковой, Е. И. Якушкиной, С. М. Толстой, И. А. Седаковой, Е. Л. Березович) – в том числе это характеристики человека по отношению к собственности.

В докладе анализируется семантическое поле «Характеристика субъекта собственности», которое можно разделить на два блока: «Качественная характеристика субъекта собственности» ('скупой', 'жадный', 'корыстолюбивый', 'щедрый', 'бережливый', 'расточительный') и «Характеристика человека по признаку наличия/отсутствия имущественной собственности» ('бедный', 'богатый'). Материалом для анализа стала лексика русских народных говоров.

Качественная характеристика человека по отношению к собственности. Здесь особо подчеркивается такая смысловая линия, как отношение скупца к еде. При характеристике человека актуализируется мотивационный признак «пищевые пристрастия в связи с отношением к собственности». Скупым признается человек, который ограничивает себя в хорошей, вкусной еде из-за чрезмерной бережливости, боязни лишних затрат, включает в свой рацион и отходы (ср. *кишечник* 'жадный человек, скряга, кто ест кишки, хотя бы мог есть и говядину').

Однако другая крайность – расточительность, проявляющаяся в пищевых излишествах и кутежах. Это качество, как и чрезмерная бережливость, в народной культуре не приветствуется, ср. *сáхар (медович)* 'о том, кто неразумно тратит, проматывает деньги, имущество; мот, расточитель'.

Мотивационные модели, связующие слова с «пищевой» семантикой и лексику поля «Жадность», высвечивают другой набор релевантных признаков. В номинациях отражается поглощение как можно большего количества еды при непреходящем чувстве голода. Акцент на количестве еды представлен, в частности, в слове *жоркий* 'жадный' и др., на чувстве голода – в слове *голода́й* 'испытывающий чув-